

Современное состояніе ученія объ афазіи

Г. Идельсона.

(Продолженіе; см. т. IV, вып. 4).

VIII.

СЛУЧАЙ GRASHEY И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ¹⁾.

Больной Grashey'a вслѣдствіе поврежденія черепа заболѣлъ разстройствомъ рѣчи сенсорнаго характера, которое скоро уступило мѣсто другому своеобразному разстройству. Больной не находилъ наименованій окружающихъ его предметовъ, развѣ только прибѣгая къ слѣдующему средству: онъ пристально вглядывался въ извѣстный предметъ, причемъ припоминалъ по порядку отдѣльныя буквы даннаго слова; буквы эти онъ писалъ по порядку, согласно съ тѣмъ, какъ онъ ихъ припоминалъ, и только послѣ того, какъ всѣ буквы, такимъ образомъ написанныя, составляли слово, больной могъ данное слово произнести. Если же предметъ былъ удаленъ раньше, чѣмъ онъ успѣлъ начертать названіе, тогда привести названія, выводя послѣдовательно одинъ знакъ за другимъ, онъ не могъ—и, такимъ образомъ, не могъ, конечно, и выговорить даннаго слова. Если больному выговаривали слово по

¹⁾ Grashey. Ueber Aphasie und ihre Beziehungen zur Wahrnehmung. Arch. f. Psych. 1885. 13. B., p. 654.

слогамъ, то, дойдя до послѣдняго слога, онъ первыхъ больше не помнилъ, вслѣдствіе чего и повторить его не могъ.

Ясно, что по той же причинѣ больной не могъ произносить длинныхъ словъ и предложеній. Если же ему говорили кое-что быстро, то онъ былъ въ состояніи слышанное повторить и написать. Намѣреваясь написать слово, онъ долженъ былъ его постоянно повторять; въ противномъ случаѣ онъ забывалъ его и не могъ уже написать. Читалъ онъ свободно. При этомъ должно замѣтить, что больной не могъ читать при слѣдующемъ экспериментѣ: въ бумагѣ дѣлали отверстіе, черезъ которое можно было видѣть только одну букву, и если названную бумагу передвигали съ буквы на букву по порядку, то больной прочесть слова не могъ. Больной узнавалъ всѣ предметы и могъ по просьбѣ указать извѣстный предметъ или выбрать его между прочими.

Если же больному называли два предмета по порядку, то онъ первое названіе забывалъ, помнилъ же только второе, и согласно этому могъ указать только на второй предметъ, перваго же не зналъ. Далѣе, если больному показывали два предмета, то онъ опять таки вспоминалъ только второй предметъ, первый же забывалъ. Изъ всего сказаннаго видно, что больной страдалъ сильнымъ разстройствомъ памяти какъ для слуховыхъ (для словъ и именъ), такъ и зрительныхъ воспріятій, и кромѣ того отсутствіемъ способности тотчасъ же произносить названіе указанного ему предмета, между тѣмъ какъ объекты были ему извѣстны, рѣчью онъ владѣлъ и сказанное ему понималъ. Можно поэтому предположить, что путь отъ слова къ понятію былъ не поврежденъ, тогда какъ путь отъ понятія къ слову былъ поврежденъ. Подобное предположеніе было бы однако не объясненіемъ факта, но только повтореніемъ предыдущаго. Должно поэтому обратиться къ другому объясненію. Если мы обратимъ вниманіе на симптомы этого больного, то можно констатировать пониженную длительность чувственныхъ воспріятій; это особенно высказывается при тѣхъ воспріятіяхъ, которыя сами по себѣ требуютъ извѣстнаго времени,

чтобы вполне быть сознанными: звуковые образы произнесеннаго и слышаннаго слова, далѣе зрительные образы писаннаго и печатнаго; тогда какъ картины-объекты моментально воспринимаются. Понятно потому, что при видѣ, напримѣръ, телѣги онъ сознавалъ, что это телѣга, но высказать понятие, назвавши предметъ должнымъ ему именемъ, могъ только постепенно. Объясняется это тѣмъ, что обыкновенно для оптическаго воспріятія предмета достаточно момента, тогда какъ звуковой образъ слова, означающаго данный предметъ, требуетъ болѣе продолжительнаго времени, такъ какъ оно является не моментально, а лишь постепенно (Grashey).

Какъ при произношеніи, такъ и при пониманіи слышанныхъ словъ звуковые образы играютъ главную роль. Въ обоихъ случаяхъ они возбуждаются и всегда постепенно одинъ звукъ за другимъ. Такъ какъ въ теченіе одной секунды можно произнести самое большее 8—9 слоговъ и такъ какъ каждый слогъ состоитъ среднимъ числомъ изъ 4 буквъ (всего 32—36 буквъ), то каждая буква требуетъ 0,03 сек. для того, чтобы быть произнесенной; при медленномъ разговорѣ 0,06 сек. Для воспріятія предмета достаточно еще менѣе 0,03 сек., для возникновенія слова, состоящаго изъ 6 буквъ, необходимо по крайней мѣрѣ 0,36 сек. Если поэтому продолжительность воспріятія пала до 0,06 сек., то предметъ можетъ быть воспринимаемъ; отъ звуковаго же образа можетъ быть воспринимается только первая буква. Необходимо поэтому, чтобы впечатлѣніе предмета продолжалось по крайней мѣрѣ столько времени, сколько необходимо для возникновенія всего звуковаго образа. Но дѣло въ томъ, что пониженная продолжительность извѣстныхъ чувственныхъ впечатлѣній относится не только къ области зрительныхъ, но и слуховыхъ впечатлѣній. Большой поэтому, получивъ постепенно звуковые образы всѣхъ буквъ—одну за другой, тѣмъ не менѣе не можетъ произнести слова, для чего ему необходимо было-бы запомнить ихъ всѣ вмѣстѣ; но больной, какъ уже раньше было сказано, забываетъ первый слогъ, вспоминая только второй; поэтому онъ

прибѣгаетъ къ слѣдующему: каждый звуковой образъ моментально онъ переноситъ на бумагу, что даетъ ему потомъ возможность начертанное прочесть; тѣ мимолетные звуковые образы, которыхъ память не въ состояніи удерживать, больной удерживаетъ, фиксируя написанное на бумагѣ, или, воспроизводя буквы постояннымъ повтореніемъ, имѣетъ ихъ на лицо до послѣдней буквы и такимъ образомъ произноситъ данное слово. Поэтому и понятно, почему больной можетъ свободно съ пониманіемъ читать.

Если больной имѣетъ передъ собой какое-нибудь слово, на примѣръ „Hand“ (рука), то буква „Н“ вызываетъ соотвѣтствующій звуковой образъ „Н“, буква „а“ — звуковой образъ „а“ и т. д. Прослѣдивъ подобнымъ образомъ все слово, больной въ состояніи сейчасъ же его и выговорить.

Но мы видѣли, что продолжительность чувственного впечатлѣнія звукового образа длится у него только очень незначительное время, котораго всетаки достаточно для воспроизведенія понятія о предметѣ, такъ какъ послѣднее требуетъ для себя только момента. Больной понимаетъ такимъ образомъ прочитанное слово.

Если же больному приходится читать какое-нибудь слово, согласно намѣченному раньше эксперименту—съ отверстіемъ въ бумагѣ, то для каждой буквы, являющейся въ отверстіи, вызывается и соотвѣтствующій звуковой образъ; но такъ какъ бумага передвигается только медленно и буквы видимы для больного съ промежутками, то это влечетъ за собою такой же интервалъ въ возникновеніи звуковыхъ образовъ; кратковременная же продолжительность этихъ впечатлѣній ведетъ къ тому, что больной сохраняетъ только послѣдніе звуковые образы, забывая первые—и читать, конечно, не можетъ. Когда больной слышитъ быстро произнесенныя слова, то онъ ихъ понимаетъ, такъ какъ отдѣльные звуки возбуждаютъ отдѣльные звуковые образы буквъ, но эти возбужденія слѣдуютъ такъ быстро одно за другимъ, что соединяются въ одно общее возбужденіе—и оттого все произнесенное слово вызываетъ

звуковой образъ всего слова. Этотъ звуковой образъ вызываетъ немедленное возникновеніе понятія о предметѣ. Если же онъ слышитъ слова, медленно произнесенныя, то дѣло не доходить до звукового образа всего слова, какъ уже раньше было замѣчено при чтеніи, и больной сказаннаго не понимаетъ. Grashey приходитъ къ заключенію, что мы читаемъ каждое слово, составляя его изъ отдѣльныхъ буквъ; также и понимаемъ мы слышанныя слова и, желая воспроизвести какое-нибудь слово, мы воспроизводимъ звуковые образы буквъ одинъ за другимъ. По этому означенному закону читаютъ и пишутъ и опытные.

„Этимъ, я думаю, говорить Grashey ¹⁾, доказано, что существуетъ афазія, которая не обуславливается ни поврежденіемъ функцій центровъ, ни путей проводимости, а только пониженною продолжительностью чувственныхъ впечатлѣній и расстройствами воспріятія и ассоціаціи, вытекающими изъ этого пониженія“.

Въ литературѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, которые, кажется, относятся къ формѣ Grashey'a; однако во многихъ наблюденія не настолько точны, чтобы ихъ отождествить съ формами Grashey'a. Такъ, Dr. Hun ²⁾ описываетъ больного, который послѣ расстройства рѣчи сенсорнаго характера утерялъ изъ памяти имена существительныя, и только тогда могъ ихъ произносить, когда видѣлъ ихъ написанными, между тѣмъ какъ слышанныхъ словъ онъ не могъ повторять. Если слово было написано, то онъ, разбирая отдѣльныя буквы, могъ его прочесть. Lichtheim передаетъ о врачѣ, который при разговорѣ часто не находилъ нѣкоторыхъ словъ, но притомъ безошибочно читалъ; онъ могъ повторять сказанное другимъ слово, но тотчасъ же опять забывалъ его; тоже самое бывало у него при чтеніи. Длинныхъ предложеній онъ повторять не могъ.—Какъ въ двухъ сейчасъ названныхъ слу-

¹⁾ Grashey. Ueber Aphasie u. ihre Beziehungen zur Wahrnehmung. Arch f. Psych. 1885. pag. 684.

²⁾ Hun. Цит. по Kussmaul'ю.

чаяхъ, такъ и въ случаѣ Grashey'a причиной разстройства была травма. Сюда же относится и случай Senn ¹⁾.

Работа Grashey'a заслуживаетъ большого интереса; она вводитъ для объясненія афазіи моменты, которые нѣмецкими авторами до сихъ поръ не были вовсе принимаемы во вниманіе, а именно—функциональное разстройство. Хотя и приходится объяснить перемѣну функцій извѣстнаго органа перемѣной его матеріальныхъ элементовъ, но этотъ случай ясно указываетъ, что существуетъ разстройство рѣчи, которое является послѣдствіемъ не разрушительнаго процесса, но только слегка задѣвающаго.

Однако въ этомъ случаѣ поврежденіе ограничивается не однимъ только центромъ, но цѣлой областью мозговой коры: видѣнный предметъ, слышанное слово скоро исчезаютъ изъ памяти. Особенно легко выразилось это разстройство въ области чувства зрѣнія—суженіе поля зрѣнія указываетъ на глубокое поврежденіе центральной части зрительнаго аппарата; оно выражалось у больного тѣмъ, что онъ долженъ былъ пристально смотрѣть на предметъ до тѣхъ поръ, пока могъ его назвать. Имя предмету онъ находилъ только благодаря письму.

Противъ мнѣнія Grashey'a можно сказать слѣдующее: больной находилъ имя предмета при писаніи, находя первую букву, потомъ вторую и т. д. Для объясненія факта, почему являлись только отдѣльныя буквы, Grashey полагаетъ, что звуковой образъ слова, который предшествуетъ наименованію предмета, возникаетъ постепенно. Это не вполне правильно. Наврядъ-ли кто нибудь, припоминая извѣстное слово, сперва вспоминаетъ первую букву, потомъ слѣдующую; большей частью бываетъ такъ, что все слово рождается сразу, послѣ того какъ одна буква, или, можетъ быть, нѣсколько отдѣльныхъ буквъ блуждаютъ передъ нами. Но что непременно должно вспомнить ранѣе первую букву, для того, чтобы

¹⁾ Цит. по Kussmaul'ю.

являлось въ нашей памяти наименованіе предмета, никоимъ образомъ не доказано; кромѣ того методъ, по которому слова, т. е. ихъ звуковые образы, запечатлѣваются, говоритъ противъ подобнаго взгляда. Слова мы приобретаемъ, какъ нѣчто цѣльное, но не какъ комплексъ отдѣльныхъ буквъ. Раздѣленіе слова на буквы есть способность, которую мы приобретаемъ позже въ школѣ (Wernicke) ¹⁾.

При мышленіи мы пользуемся словами, и такъ какъ мышленіе происходитъ быстро, чѣмъ рѣчь, то должно предположить для внутренней рѣчи, при которой главную роль играютъ звуковые образы, внезапное возникновеніе послѣднихъ. Если больной Grashey'a могъ писать только букву за буквой, то причину этого должно искать на пути передачи звукового образа въ письменный. Писаніе слова требуетъ продолжительнаго времени, и больной только потому писалъ отдѣльными буквами, что былъ вынужденъ при каждой буквѣ опять воспроизводить звуковой образъ; въ противномъ случаѣ онъ его забывалъ въ моментъ писанія одной буквы.

Подобное явленіе наблюдается въ обыденной жизни, когда мы пишемъ, будучи разсѣяны: при болѣе длинномъ предложеніи мы забываемъ начало его, что ведетъ нерѣдко къ синтаксической ошибкѣ. Больной Grashey'a уже при второй буквѣ забывалъ слово, и только благодаря повторному фиксированію предмета могъ вспомнить его, чтобы написать; такимъ образомъ должно предположить, что и тутъ звуковой образъ, какъ цѣлое, является внезапно. Причину же того, что больной писалъ, выволя отдѣльныя буквы, должно искать въ томъ, что переходъ звукового образа въ письменный, какъ это всегда бываетъ, является только по отдѣльнымъ буквамъ, что въ свою очередь, при большей продолжительности этого акта, ведетъ слишкомъ быстро къ исчезновенію звукового образа. Нельзя однако предположить въ центрѣ звуковыхъ образовъ такого же расстройства, какъ въ центрѣ зрительныхъ; послѣдніе

¹⁾ Wernicke. Die neueren Arbeiten über Aphasie. Fortschritte der Medicin. 1885 и 1886.

исчезаютъ моментально, и хотя первые проходятъ менѣе быстро, всетаки они недостаточны, чтобы быть написанными и произнесенными. Далѣе, больной понимаетъ все ему сказанное, что было бы невысказано при сильно пониженной продолжительности звуковыхъ воспріятій; слѣдовало-бы ожидать, что больной забудетъ первое слово, когда дойдетъ до второго или третьяго, но всетаки онъ понимаетъ цѣлое предложеііе, для чего ему необходимо запомнить цѣлый рядъ словъ. Какъ же возможно, чтобы тѣ же звуковые образы разъ продолжались достаточно долго, а въ другой разъ нѣтъ? Это противорѣчіе исчезаетъ, если предположить вмѣстѣ съ Bongers'омъ ¹⁾, что звуковой образъ находится въ центрѣ—въ двухъ формахъ: 1) какъ цѣлое и 2) какъ комплексъ буквъ. Первое приобрѣтается, когда мы слышимъ цѣлыя слова; второе—въ школѣ при чтеніи и письмѣ, гдѣ по слогамъ приходится читать и писать, а ранѣе извѣстныя слова разлагать на составныя части. Въ рѣчи мы пользуемся цѣлыми словами; при письмѣ и чтеніи—комплексомъ буквъ. При этомъ должно замѣтить слѣдующее: Grashey предполагаетъ, что мы всегда читаемъ по слогамъ; онъ правъ, но не всегда: я лично замѣтилъ, что слова, особенно нѣмецкія, которыя написаны исключительно прописными буквами, мнѣ трудно читать; я могу прочесть слово, составивъ его изъ отдѣльныхъ буквъ. Это какъ бы подтверждаетъ мнѣніе Grashey. Но почему же я легко читаю обыкновенно-написанное слово? Вѣроятно я пользуюсь общимъ впечатлѣніемъ даннаго слова. Возможно даже, что я не читаю всѣхъ буквъ, что нѣкоторыя я пропускаю, будто пробѣгаю строки. Wernicke былъ того же мнѣнія, но послѣ сочиненія Grashey и онъ принялъ мнѣніе послѣдняго, которое, насколько мнѣ кажется, не вполне основательно.

Мы узнаемъ „слово“ также по его „формѣ“; въ доказательство сказаннаго привожу слѣдующее ²⁾. Печатныя слова, гдѣ

¹⁾ Bongers. Цит. по Ballet, переводъ Bongers.

²⁾ Goldscheider. Цит. по Sachs Vorträge über Bau und Thätigkeit des Gehirns. Breslau, 1893. pag. 212.

разстояніе между отдѣльными буквами увеличено, слова, написан-
ныя на иностранномъ языкѣ, мы читаемъ трудно; медикъ читаетъ
медицинскую книгу гораздо быстрѣе, чѣмъ несвѣдующій, такъ
какъ первому извѣстны встрѣчающіеся тутъ „termini tech-
nici“ ¹⁾, которые онъ только пробѣгаетъ. Неправильно напи-
санное слово производитъ на меня впечатлѣніе ошибочнаго,
раньше чѣмъ я знаю, гдѣ кроется ошибка. Изъ вышесказан-
наго слѣдуетъ, что мы читаемъ не только по слогамъ, но
также и цѣлыми словами. Отсюда вытекаетъ еще одно новое
доказательство для опроверженія мнѣнія Grashey.

Grashey опредѣляетъ время, необходимое для того, чтобы
читать и произносить букву—тѣмъ, что читаетъ нѣсколько
строкъ, обозначая притомъ время, необходимое ему для этого
и, раздѣливъ время на число буквъ, опредѣляетъ время для
каждой буквы. Такъ напримѣръ, если втеченіе секунды мы чи-
таемъ 32 буквы, то для каждой буквы необходимо $1:32 = 0,03$
сек.; при медленномъ чтеніи 0,06 сек.; но это исчисленіе не-
правильно, такъ какъ, какъ я раньше указывалъ, мы многое
только пробѣгаемъ, но не читаемъ. Время, необходимое по-
этому для каждой отдѣльной буквы, должно быть больше, чѣмъ
опредѣлилъ Grashey. Корниловъ ³⁾ доказалъ, благодаря пре-
красному опыту, что для чтенія буквы необходимо не 0,03 сек.
(по Grashey), а въ 4 раза больше, т. е. 0,12. Последнее
даетъ намъ нѣкоторымъ образомъ объясненіе, почему больной
въ состояніи слышанное понять. Опыты Корнилова служатъ
также поддержкой мнѣнія Bongers'a.

ІХ.

УЧЕНІЕ ОБЪ АФАЗІИ ВО ФРАНЦІИ.

Съ именемъ Charcot связана новая эпоха въ ученіи
объ афазіи. Заслуга Charcot и многихъ его соотечественни-
ковъ ²⁾ состоитъ въ томъ, что они изъ многочисленныхъ опи-

¹⁾ Loewenfeldt: Цит. по Sachs'у.

²⁾ Напр., Ballet, Magnan, Pitres, Dégérine, Bernard и Serieux.

³⁾ Корниловъ. Къ вопросу объ афазіи. Врачъ 1893. № 6.

санныхъ случаевъ афазіи выбрали тѣ, которые представляли собой самыя простыя формы разстройства рѣчи. Такимъ образомъ ему и его ученикамъ удалось клинически подтвердить гипотезу, которую построилъ психологъ Hartley (1749), заключающуюся въ томъ, что слово (у грамотныхъ по крайней мѣрѣ) состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ частей, которыя въ отдѣльности могутъ быть подвержены поражению.

Образуются, значить, 4 формы поврежденія рѣчи, которыя мы раньше описали подъ именемъ моторной афазіи, словесной глухоты, словесной слѣпоты и аграфіи. Такъ какъ ученіе Charcot разсматриваетъ психологическую проблему рѣчи съ новой интересной точки зрѣнія и одновременно вноситъ пониманіе разстройствъ рѣчи, то мы позволяемъ себѣ поближе ознакомить читателя съ его взглядами.

Слово состоитъ изъ двухъ двигательныхъ элементовъ: Sprechbild и Schreibbild, и изъ двухъ чувствительныхъ: Sprachbild и Schriftbild. Все это человѣкъ приобрѣтаетъ воспитаніемъ и обученіемъ; онъ сохраняетъ ихъ посредствомъ памяти, какъ духовное достояніе. Такъ какъ cadaго изъ этихъ элементовъ онъ можетъ лишиться, не повреждая дѣйствія другихъ, то для cadaго изъ нихъ надо предполагать особую память, т. е. четыре частныхъ памяти. Такимъ образомъ существуетъ память для двигательныхъ образовъ рѣчи (memoire motrice), затѣмъ память для двигательныхъ образовъ письменной рѣчи (memoire graphique), память слышанныхъ словъ—звуковыхъ образовъ (memoire auditive) и память для зрительныхъ образовъ буквъ (memoire visuelle).

Потеря памяти (amnesie) ведетъ и къ уничтоженію соотвѣтствующихъ способностей. Такимъ образомъ:

1. потеря двигательныхъ образовъ рѣчи—моторная афазія.
2. потеря двигательныхъ образовъ письма—аграфія.
3. потеря звуковыхъ образовъ—словесная глухота.
4. потеря зрительныхъ образовъ—словесная слѣпота.

1 и 2 центробѣжныя функціи, 3 и 4 центростремительныя функціи.—Какимъ образомъ у человѣка является память для этихъ четырехъ функцій?

Звуковые и зрительные образы буквъ мозгъ пріобрѣтаетъ центробѣжными путями *nervorum acustici et optici*. Получаемыя впечатлѣнія производятъ извѣстныя измѣненія въ нервныхъ клѣткахъ, находящихся при окончаніяхъ этихъ нервовъ, и измѣненія эти дѣлаются постоянными вслѣдствіе безчисленнаго ряда повтореній одного и того же процесса. Эти измѣненія нервной клѣтки физиологически соотвѣтствуютъ тому психологическому акту, который называется памятью.

Какъ теперь объяснить память движеній для рѣчи и письма? Здѣсь о дѣйствиіи внѣшняго міра на психическій органъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ эти двѣ функціи центробѣжны и съ своей стороны производятъ измѣненія во внѣшнемъ мірѣ. На самомъ дѣлѣ происходитъ такъ: эти движенія сами не оставляютъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, но благодаря имъ возбуждаются чувства, которыя отъ периферіи тѣла направляются въ мозгъ. Эти чувства производятся: треніемъ сочлененныхъ суставовъ другъ о друга, степенью сокращенія мускуловъ, растяженіемъ кожи и т. д. Эти мышечныя чувства, получающіяся при каждомъ изъ вышеупомянутыхъ явленій и сопровождающія всякое движеніе, соотвѣтствуютъ „моторнымъ остаткамъ“ (Ribot) и „двигательнымъ образамъ“ (нѣмецкихъ авторовъ). Они направляются по чувствительнымъ путямъ къ нервнымъ клѣткамъ, гдѣ они задерживаются и остаются. Такъ какъ они всегда сопутствуютъ движеніямъ, то они постепенно соединяются съ причинами, которыя ихъ произвели; такъ что всякое движеніе вызываетъ извѣстное мышечное чувство и всякое мышечное чувство является всегда причиной соотвѣтствующаго движенія, если только это чувство вызывается внѣшними раздраженіями.

Всетаки надо сдѣлать крупное различіе между этими двигательными представленіями и другими. Между тѣмъ какъ тамъ волевыя возбужденія производятъ въ чувствительной клѣткѣ представленіе минувшаго умственнаго воспріятія, здѣсь возникаетъ не только представленіе о движеніи, но и это движеніе само. Charcot и его школа и большая часть другихъ

авторовъ ¹⁾ предполагають, что мѣсто иннерваціи мускуловъ тождественно съ мѣстомъ, гдѣ находится представленіе о соотвѣтствующемъ движеніи, какъ образъ воспоминаній. Если такимъ образомъ послѣднее возникаетъ, то и соотвѣтствующее движеніе должно присоединиться. Если же это двигательное представленіе уничтожается, именно разрушеніемъ тѣхъ нервныхъ клѣтокъ, въ которыхъ оно находится, то слѣдствіемъ этого является прекращеніе движенія для рѣчи писанія.

Между тѣмъ какъ нѣмецкіе авторы полагають, что 4 элемента рѣчи находятся въ такой зависимости другъ отъ друга, что всегда та функція, которая прежде была изучена, господствуетъ надъ той, которая изучается позже, и такимъ образомъ принимаютъ извѣстный порядокъ степеней функцій рѣчи, который зависитъ отъ порядка, въ которомъ ихъ изучили, Charcot не допускаетъ такого опредѣленнаго соотношенія; онъ говоритъ, что всѣ элементы рѣчи равноправны и только отъ индивидуальнаго упражненія или индивидуальнаго предрасположенія зависитъ, какой элементъ получаетъ надъ прочими перевѣсъ. Какъ убѣдиться въ преобладаніи того или другого элемента, показываетъ самонаблюденіе. При размышленіи, спокойной работѣ ума удается каждому, кто на это обращаетъ вниманіе, съ большею или меньшею точностью воспринять процессы рѣчи, которые сопровождаютъ ходъ мыслей. Одинъ слышитъ совсѣмъ тихій внутренній голосъ, другой видитъ то, что мыслить, въ письменныхъ образахъ и т. д. Эти внутренніе процессы Charcot называетъ внутренней рѣчью „*langage intérieure*“. Эта внутренняя рѣчь, какъ видно будетъ изъ нижеописаннаго, пользуется каждой изъ приведенныхъ выше функцій рѣчи. Внутренняя рѣчь отличается отъ внѣшней тѣмъ, что она не соприкасается съ внѣшнимъ міромъ: она не является изъ внѣшняго міра и не дѣйствуетъ на него; она ограничивается только мозгомъ. Но такъ какъ она есть един-

¹⁾ За исключеніемъ Blocq'a: De l'aphasie. Ann. de Méd. 7. 8. 10. 12. 1893.

ственный факторъ умственнаго процесса и такъ какъ мы не можемъ себѣ представить мышленія безъ употребленія какого нибудь элемента рѣчи, то она представляетъ собою связь между внѣшнимъ міромъ и нашей душой. Слышанныя и читанныя слова возбуждаютъ внутреннее слово, которое является посредникомъ для уразумѣнія читаннаго и слышаннаго, и на оборотъ сперва понятіе вызываетъ слово, которое превращается во внѣшнее слово. Въ существованіи внутренняго слова можно убѣдиться изъ слѣдующихъ описаній.

1. Большая часть индивидуумовъ принадлежитъ къ типу „Auditives“ — „слушателей“. Мышленіе проявляется у нихъ такъ, что тихій внутренній голосъ какъ-бы подсказываетъ имъ слова. Egger ¹⁾ описываетъ такой процессъ слѣдующимъ образомъ: „Вечеръ. Лампа потухла. Мы хоть на нѣсколько мгновеній хотѣли бы отрѣшиться отъ всякаго дѣла, ни о чемъ не думать—однимъ словомъ—забыться. Мы утомлены и жаждемъ покоя; но желанный сонъ заставляетъ себя ждать. Мучимые безсонницей, мы не въ состояніи заставить свою мысль замолчать. Мы внимаемъ ей, потому что она обладаетъ голосомъ; ей сопутствуетъ внутреннее слово, которое такъ-же быстро, какъ и мысль, перескакиваетъ съ предмета на предметъ. Мы не только слышимъ этотъ внутренній голосъ, мы принуждены, помимо своей воли, къ нему прислушиваться. Мысли эти приводятъ насъ въ смущеніе и беспокойство; онѣ являются неожиданно, враждебно-настроенныя. Мы не стараемся ихъ усмирить, успокоить, дать имъ другое теченіе“. Когда мы пишемъ, то намъ диктуетъ внутреннее слово, когда мы медленно говоримъ, то мы въ промежуткахъ его слышимъ и оно намъ подсказываетъ слова. Голоса, которые мы слышимъ во снѣ, слова, которыя насъ иногда, какъ навязчивая идея, безпрестанно преслѣдуютъ, голоса душевно-больныхъ—все это ничто иное, какъ особенно ясно выступающая внутренняя рѣчь, которая переносится больнымъ или тѣмъ, кто видитъ сонъ,

¹⁾ Egger, цит. по Ballet.

въ виду ихъ неспособности къ критическому объясненію явленій, во внѣшній міръ.

Желающіе подробнѣе ознакомиться съ интересными деталями могутъ обратиться къ упомянутымъ сочиненіямъ.

2. Вторая категорія индивидуумовъ пользуется преимущественно зрительными образами печатныхъ или писанныхъ словъ. Они читаютъ свои мысли, а потому ихъ называютъ „читателями“ „visuel“. Это представленіе преимущественно выказывается у тѣхъ лицъ, которыя особенно развиваютъ зрительныя впечатлѣнія: живописцы, артисты, писатели. До известной степени и всѣ другіе люди пользуются этими зрительными образами. Мы выучиваемъ стихи и читаемъ ихъ на память, представляя ихъ себѣ передъ глазами; мы представляемъ себѣ систему кровяныхъ сосудовъ и затѣмъ воспроизводимъ ихъ названія въ своей памяти, перебирая ихъ мысленно и т. д.

Типичнымъ случаемъ исключительнаго употребленія письменныхъ образовъ при процессѣ мышленія или при воспроизведеніи представляется слѣдующій (Paulhan).

„Когда я думаю о словѣ или о выраженіи, тогда я ихъ вижу напечатанными или написанными моимъ или другимъ почеркомъ довольно ясно. Черныя буквы съ довольно значительными промежутками представляются мнѣ на бѣломъ фонѣ. Промежутки ясно выступаютъ... Чтобы запомнить слово, которое я слышу въ первый разъ, я долженъ ему немедленно дать орфографію; когда мнѣ приходится слышать интересную бесѣду и я хочу ее воспроизвести, то она нерѣдко постепенно представляется мнѣ написанной“.

3. Третья категорія, менѣе значительная, называемая „poeteurs“, пользуется для запоминанія слышанныхъ словъ или для умственной дѣятельности двигательными образами, которые являются основой для произносимыхъ словъ. Платонъ ¹⁾ говоритъ въ *Sophist*’ѣ: „мышленіе—это разговоръ въ душѣ, разговоръ души съ собой самой, причемъ не произносится

¹⁾ Цит по Ballet, pag. 59.

ни одного звука“. Онъ кажется самъ былъ однимъ изъ таковыхъ „Moteurs“. Bain, известный англійскій психологъ, сказалъ: мысль есть необнаруженное слово или необнаруженное дѣйствіе. Образецъ этой категоріи представляетъ Stricker: „Когда я сижу съ закрытыми глазами и съ сжатыми зубами и хочу вспомнить нѣсколько знакомыхъ стиховъ, мнѣ кажется, когда я обращаю мое вниманіе на свои органы рѣчи, будто я внутренно разговариваю. Хотя мои губы и сжаты, ряды зубовъ почти совсѣмъ близки другъ къ другу; даже мой языкъ лежитъ спокойно и находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ окружающими частями рта..., всетаки мнѣ кажется, будто я произношу стихъ, о которомъ я думаю... Я такимъ образомъ не могу представить себѣ слова, не воспринимая тѣхъ двигательныхъ чувствъ, которыя соотвѣтствуютъ моимъ словамъ“. Больная Краерelin'a сказала, что она чувствуетъ въ языкѣ, какъ она безпрестанно говорить глупости. ¹⁾

4. Мышленіе въ двигательныхъ представленіяхъ письменной рѣчи „moteurs graphiques“, кажется, встрѣчается только рѣдко. У глухонѣмыхъ, которые читаютъ, ощущая пальцами изображенія буквъ и приобрѣтаютъ себѣ такимъ образомъ всю сумму словъ, этотъ способъ внутренней рѣчи особенно развитъ. Одинъ глухонѣмой сказалъ про себя: „я чувствую при мышленіи, что пальцы движутся, хотя они лежатъ спокойно. Я вижу внутренно картину, которая получается движеніемъ пальцевъ“. Кромѣ того, это явленіе довольно часто встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ расстройство рѣчи прекратило пониманіе словъ, какъ печатныхъ такъ и писанныхъ. Такимъ образомъ, больной Charcot ²⁾, страдавшій словесной слѣпотой, могъ читать, выводя пальцами правой руки очертанія буквъ. Движеніями руки онъ получалъ возможность уразумѣвать слова, которыхъ онъ прежде не могъ читать. Основываясь на этомъ фактѣ, Charcot ³⁾

¹⁾ Psychiatrie, 4-е изд., p. 634.

²⁾ Лекціи, публік. Marie въ Revue de méd. 1883. pag. 693.

³⁾ Charcot. Sur un procédé, destiné à évoquer les images motrices graphiques chez les sujets atteints de cécité verball. Soc. de Biol. II. Juni. 1892.

устроилъ аппаратъ, посредствомъ котораго больной могъ ощущать и повторять движенія, которыя наблюдатель дѣлалъ для писанія словъ. Страдающій аграфіей не могъ такимъ образомъ понимать буквъ, такъ какъ у него не было двигательныхъ образовъ для писанія буквъ „Schreibvorstellung“, между тѣмъ какъ два больныхъ алексіей могли описаннымъ образомъ читать.

Значеніе этихъ феноменовъ для пониманія афазіи легко можно оцѣнить. Предположимъ, что индивидуумъ, Stricker напимѣръ, который пользуется исключительно двигательными образами, лишается двигательныхъ представленій вслѣдствіе поврежденія центра Broca, тогда для него разрушена связь съ внѣшнимъ міромъ. Онъ не только не можетъ говорить, но даже и не понимаетъ другихъ. Недостатокъ, которому онъ подверженъ, гораздо значительнѣе, чѣмъ тотъ, которому подвергся бы вслѣдствіе того-же анатомическаго поврежденія другой, не думающій въ звуковыхъ образахъ. У индивидуума, который обыкновенно думаетъ посредствомъ звуковыхъ образовъ, поврежденіе въ области этихъ звуковыхъ образовъ производитъ не только словесную глухоту, но и моторную афазію. Однако такіе случаи очень рѣдки: первый случай едва ли можетъ произойти, по крайней мѣрѣ такой случай еще не описанъ. Для второго положенія есть примѣры: такой случай ограниченнаго поврежденія въ центрѣ звуковыхъ образовъ описанъ Leva ¹⁾. Это была абсолютная афазія. Относительная рѣдкость такихъ случаевъ обуславливается, надо полагать, тѣмъ, что только весьма немногіе пользуются въ исключительныхъ случаяхъ одной или другой формой внутренней рѣчи. Большая же часть людей принадлежитъ къ типу пользующихся нѣсколькими элементами одновременно, хотя и предпочитающихъ звуковые образы. Поэтому какое нибудь поврежденіе рѣдко разрушаетъ сразу всѣ элементы рѣчи. Больше всего слѣдуетъ ожидать, что расстройство въ области звуковыхъ образовъ

¹⁾ Leva. Virchow's Archiv. B. 132.

повліяетъ и на другіе элементы. Такъ и бываетъ, и вотъ почему нѣмецкіе авторы предполагаютъ, что именно звуковымъ образамъ выпадаетъ особенно важная роль въ механизмѣ рѣчи. Но нельзя всѣ случаи (афазіи) ставить въ зависимость отъ разстройства звуковыхъ образовъ и можно легко представить себѣ случаи, когда ихъ вліяніе незначительно. Ихъ разрушеніе можетъ тогда совсѣмъ не затронуть активной рѣчи, что дѣйствительно при словесной глухотѣ и замѣчалось. Въ такихъ случаяхъ звуковые образы были потеряны безъ вреда для активной рѣчи.

Принявъ во вниманіе какъ невелико число нормальныхъ индивидуумовъ, думающихъ въ двигательныхъ письменныхъ образахъ, мы безъ большой погрѣшности можемъ всю эту категорію упустить изъ виду и мы будемъ имѣть только дѣло съ вышеприведенными первыми тремя категоріями. При разговорѣ, такимъ образомъ, у подавляющаго большинства людей возбуждаются звуковые образы, а при писаніи зрительные образы буквъ. Такимъ образомъ, существуетъ обыкновенно зависимость моторныхъ элементовъ отъ чувствительныхъ (сенсорныхъ). При устной рѣчи эта зависимость не абсолютная (у тѣхъ, которые думаютъ двигательными образами рѣчи „Sprechbilder“, этой зависимости совсѣмъ даже не существуетъ); для писанія же такая зависимость, по новѣйшимъ наблюденіямъ, является абсолютной и существуетъ какъ непреложный законъ. Если зрительные образы буквъ потеряны, то писать становится невозможнымъ, если даже двигательные образы и сохранены настолько, насколько они обыкновенно нужны для писанія; но ихъ слишкомъ недостаточно, чтобы возбудить способность писать. Если же двигательные образы писанія одни только потеряны, тогда понятно невозможно писать, равно какъ и при моторной афазіи нельзя говорить за отсутствіемъ двигательныхъ образовъ рѣчи.

Такимъ образомъ можно себѣ объяснить нѣкоторыя формы разстройства рѣчи, которыя по Lichtheim'у-Wernicke обуславливаются перерывомъ извѣстныхъ путей—чисто функціональ-

ными моментами. Мы видѣли, какія трудности представляетъ схема Lichtheim'a-Wernicke сама по себѣ. Кромѣ того, ни одинъ проводящій путь не доказанъ анатомически; извѣстны только волокна, идущія черезъ insula Reilii и соотвѣтствующія пути АМ. Перерывъ же этихъ волоконъ производитъ моторную афазію или словесную глухоту, смотря потому, приближается ли поврежденіе къ центру Broca или Wernicke. Парафазія, какъ частное разстройство, еще не наблюдалась и не доказано еще до сихъ поръ, чтобы поврежденіе этого пути причинило парафазію. Такимъ образомъ еще слишкомъ рано было-бы построить схему, пригодную для всѣхъ случаевъ, такъ какъ значеніе отдѣльныхъ элементовъ языка и ассоціативныя соединенія ихъ не у всѣхъ одинаковы. Но такъ какъ такія различія несомнѣнно существуютъ и существованіе проводящаго пути совсѣмъ еще не доказано и пока представляетъ собою гипотезу, то мы имѣемъ больше основанія объяснить тѣ случаи афазіи, въ которыхъ гнѣздо въ чувствительномъ (сенсорномъ) центрѣ ведетъ къ потерѣ моторныхъ функций рѣчи, тѣмъ, что въ данномъ случаѣ пораженный центръ имѣлъ гораздо большее значеніе, чѣмъ другіе центры, и мы можемъ обойтись безъ произвольнаго предположенія о перерывѣ недоказаннаго пути. Такъ какъ вообще звуковые образы играютъ наивиднѣйшую роль, то во многихъ случаяхъ объясненія французской и нѣмецкой школъ въ этомъ пунктѣ совпадаютъ. Но не всегда звуковые образы преобладаютъ передъ всѣми остальными; они могутъ занимать менѣе важное мѣсто и ихъ уничтоженіе не должно вести къ разстройствамъ звуковой рѣчи. При транскортикальной сенсорной афазіи Lichtheim предполагаетъ перерывъ сообщенія между звуковыми образами и центромъ идей, т. е. всѣми ассоцірованными представленіями—предположеніе, которое вообще съ трудомъ можно допустить. Этимъ онъ объясняетъ сохраненіе возможности повторять слова и парафазію при потерѣ пониманія слышанныхъ словъ. Но развѣ не гораздо проще и этотъ случай объяснить поврежденіемъ звуковыхъ образовъ въ корѣ и

предположить, что двигательные образы словъ настолько самостоятельны, что они могутъ произвести слова безъ помощи звуковыхъ образовъ и что нѣкоторая ихъ зависимость обнаруживается только парафазіей?

Какъ же теперь объяснить, что больные при транскортикальной моторной афазіи могутъ безошибочно повторять слова? Прежде всего больного всегда заставляютъ повторять отдѣльные только слова, которыя онъ, можетъ быть, произносилъ-бы произвольно и безошибочно и безъ парафазіи. Парафазія же является только тогда, когда больной произноситъ цѣлыя фразы. Больной вѣдь не глухъ; онъ слышитъ, что ему говорятъ, и хотя слышанныя слова не встрѣчаютъ больше тѣхъ звуковыхъ образовъ, посредствомъ которыхъ они до заблѣванія уразумѣвались, они всетаки, по крайней мѣрѣ, могутъ способствовать тому, что больной безошибочно ихъ повторитъ. Точно такъ же мы въ состояніи повторять нѣкоторыя слова незнакомаго намъ языка, не имѣя соответствующихъ имъ звуковыхъ образовъ и не понимая ихъ.

При субкортикальной сенсорной афазіи, которая характеризуется потерей пониманія и возможности повторенія словъ, Lichtheim предполагаетъ перерывъ въ центростремительномъ слуховомъ пути. Такъ какъ существованіе такого пути для исключительнаго проведенія звуковыхъ впечатлѣній отъ словъ не доказано и едва ли допустимо, то, по нашему мнѣнію, поврежденіе относится къ самому слуховому аппарату въ его центральной части, т. е., субкортикальная сенсорная афазія обусловлена ослабленіемъ слухового аппарата. Литература подтверждаетъ, кажется, это мнѣніе, и мы, говоря о глухотѣ, еще вернемся къ этому вопросу.

Перевѣсъ сенсорнаго элемента надъ моторнымъ обнаруживается при писаніи. Но, между тѣмъ какъ устная рѣчь въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ освободиться отъ вліянія звуковыхъ образовъ, этого для произвольнаго писанія нельзя себѣ представить. Писаніе есть всегда сознательный актъ; рѣчь можетъ быть и не сознательной. Писаніе зависитъ отъ цѣло-

сти письменныхъ образовъ; если ихъ нѣтъ, то двигательные образы писанія сами не могутъ произвести слова. Для писанія необходимы зрительные образы. Но зависитъ-ли способность писанія отъ звуковыхъ или двигательныхъ образовъ рѣчи, это еще вопросъ. Wernicke считаетъ тѣ и другіе необходимыми. Понятіе о словѣ должно быть въ своихъ обѣихъ частяхъ цѣлымъ, чтобы его можно было письменно воспроизводить. Отсюда слѣдуетъ, что аграфія всегда должна сопровождать моторную афазію или словесную глухоту. Такъ ли оно бываетъ на самомъ дѣлѣ? Въ большинствѣ случаевъ аграфія наблюдается оттого, что центры двигательныхъ образовъ писанія и зрительные образы писанія находятся весьма близко отъ тѣхъ мѣстъ мозговой коры, которыя разрушаются при словесной глухотѣ или моторной афазіи, и оттого сами легко подвергаются разрушительнымъ процессамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣднее не случается, можно допустить зависимость способности писанія отъ соответствующихъ звуковыхъ или моторныхъ образовъ, но это не должно быть постоянно. Тѣ случаи, въ которыхъ Wernicke, на примѣръ, предполагаетъ транскортикальное сенсорное поврежденіе и которые характеризуются сохраненіемъ способности повторять слова и писать, мы уже прежде изучили, какъ форму, при которой звуковые образы не играютъ выдающейся роли, такъ что ихъ уничтоженіе не особенно рѣзко вліяетъ на рѣчь и, какъ мы теперь можемъ добавить, — на писаніе.

При субкортикальной сенсорной афазіи и по Wernicke способность писать сохранена, такъ какъ здѣсь и по нашему мнѣнію звуковые образы вполне нормальны.

Мы старались на основаніи французскаго ученія ограничить гипотезу о проводниковой афазіи при разныхъ формахъ словесной глухоты, чтобы доказать, какъ приложимо французское ученіе къ фактамъ; но мы далеки отъ того, чтобы выяснитъ всѣ разстройства этимъ способомъ.

Но въ этомъ ученіи есть, съ другой стороны, положенія, вслѣдствіе которыхъ оно кажется неудовлетворительнымъ.

Почему бы, напримѣръ, за поврежденіемъ центра Вроса не послѣдовать словесной глухотѣ у индивидуума, который для мышленія пользуется двигательными образами рѣчи? Почему бы не явиться словесной слѣпотѣ результатомъ повреждения центра двигательныхъ образовъ писанія у индивидуума, пользующагося послѣдними?

Такихъ случаевъ мы не наблюдали. И такъ, существуетъ, вопреки вышесказанному равноправію центровъ, всетаки рельефная зависимость моторныхъ элементовъ отъ сенсорныхъ. Можетъ быть, способность читать представляетъ собой исключеніе изъ этого закона, такъ какъ больная Parisot'a ¹⁾, страдавшая моторной афазіей, могла читать только тѣ немногія слова, которыя она могла и произносить.

Одно важное заключеніе можно вывести изъ ученія Charcot: при моторной афазіи или аграфіи надо всегда считать, что причина расстройства можетъ находиться и въ сенсорномъ центрѣ; съ другой стороны, ученіе Charcot имѣетъ мало практическаго значенія, потому что трудно узнать, къ какому типу принадлежитъ больной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Parisot. Aphasie motrice avec perte de la lecture mentale. Mém. de Soc. de Méd. de Nancy 1890.—91, pg. 34—37.